

PL – *Латушка, П. П.* Выступленне міністра культуры Рэспублікі Беларусь Паўла Латушкі на прэзентацыі «Аўтографы першага народнага паэта Беларусі Янкі Купалы» [Электронны рэсурс] / П. П. Латушка. – Режим доступу : <http://www.kultura.by/news/ab-adkrytsts-yub-leinaga-goda-yank-kupaly>. – Дата доступу : 21.12.2015.

SJ3 – *Javid, S.* Culture for All Speech. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/culture-for-all>. – Date of access : 02.07.2015.

AУ – *Ярмоленка, А. І.* Як стаць сапраўднымі і «сваімі»? [Электронны рэсурс] / А. І. Ярмоленка. – Режим доступу : <http://kimpres.by/index.phtml?page=2&id=3588>. – Дата доступу : 05.02.2015.

NM – *Morgan, N.* The Arts Underpin Our Understanding of Britishness [Electronic resource] / N. Morgan. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/the-arts-underpin-our-understanding-of-britishness>. – Date of access : 18.11.2016.

The paper considers the rhetorical figures that mark the category of emotiveness in British and Belarusian public speeches. The results of the contrastive analysis elucidate the index of frequency and some patterns of rhetorical figure usage in public speech.

Т. Н. Гребень

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРЕДСТВ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В МЕДИАДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются синтаксические разговорные единицы и их роль в манипулировании общественным мнением посредством воздействия на эмоции адресата. Установлено, что эллипсисы, присоединительные конструкции, вопросительные предложения, вставные конструкции, незавершенные предложения, повторы и эксплетивы могут служить для эмоционального оформления аргумента. Подробно рассматриваются наиболее употребительные средства разговорного синтаксиса в медиадискурсе на двух языках (эллипсисы, присоединительные конструкции, вопросительные предложения) и их манипулятивный потенциал. Отмечается, что в англоязычном медиадискурсе, по сравнению с белорусскоязычным, данные единицы в эмоционально-экспрессивной функции чаще встречаются в прямой речи, что свидетельствует об использовании авторами другого приема манипулирования – ссылки на авторитетное мнение.

Согласно последним исследованиям в области медиалингвистики, в которых отмечается тенденция к преобразованию в сфере целевых установок прессы, ее жанровой парадигмы, социокультурной специфики и лингвостилистического своеобразия, в настоящее время целесообразно определять газетные публикации в качестве «своеобразного социально-лингвистического феномена, включенного в систему управления обществом» [1, с. 4].

Острота и масштабность проблемы управления, или манипулирования, обществом и общественным сознанием были продемонстрированы еще в XX веке представителями Франкфуртской школы. В своих исследованиях массовой культуры и средств массовой информации, в частности, они неоднократно критиковали СМИ, которые ставят человека в зависимость от окружения и заставляют его воспринимать навязываемые ему потребности как свои собственные [2; 3].

Этимология самого слова *манипуляция* восходит к французскому *manipulation*, образованному от латинского *manipulus* ‘пригоршня, горсть’, *manus* ‘рука’, и в Большом энциклопедическом словаре толкуется как «действие рукой или руками при выполнении какой-либо сложной работы; сложный прием в ручной работе» [4]. В то же время англоязычные словари «Oxford Learner’s Dictionary» и «Macmillan Dictionary» в качестве первого значения приводят следующие толкования соответственно: «behaviour that controls or influences somebody/something, often in a dishonest way so that they do not realize it» [5] и «behaviour that influences someone or controls something in a clever or dishonest way» [6]. В результате сопоставления толкований становится очевидным, что в современных англоязычных справочных изданиях первым приводится новое, переносное значение слова – ловкое обращение с людьми, что, вероятно, связано с давней традицией изучения манипулирования в англоязычных странах.

Опираясь на результаты анализа соответствующих теоретических источников, можно утверждать, что исследования языкового манипулирования в области средств массовой информации успешно ведутся зарубежными лингвистическими школами на протяжении многих лет [7; 8]. В отечественной лингвистике, также как в российской и украинской, данное направление стало изучаться лишь в последние десятилетия [9; 10; 11; 12].

Обращаясь непосредственно к *языковому манипулированию*, необходимо уточнить, что под ним, как правило, понимается «использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого – значит неосознаваемого адресатом» [13, с. 145]. Исходя из приведенных выше определений, можно выделить основные признаки манипуляции. Во-первых, это вид психологического, а не физического воздействия. Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, которое не должно быть замечено объектом манипуляции, поэтому

при манипуляции важно добиться от адресата ощущение самостоятельности принятия решения. Манипулятор всегда стремится к созданию иллюзии самостоятельности принятия решения реципиентом.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что манипуляция присутствует во всех сферах общественной жизни. Считается, что наиболее ярко этот феномен проявляется в политической сфере и рекламе. Однако замечено, что языковое манипулирование имеет место также в газетных публикациях социально значимой тематики, где особую роль в манипулировании играют разговорно-синтаксические единицы. В качестве материала настоящего исследования выступили белорусскоязычные и англоязычные очерки и репортажи, опубликованные в высокотиражных печатных изданиях Беларуси и Великобритании («Звезда», «Народная газета», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer»).

Прежде чем определить специфику языкового манипулирования посредством разговорно-синтаксических единиц, кратко остановимся на определении самого понятия *разговорная речь*. В настоящем исследовании мы придерживаемся определения, которое было предложено М. В. Пановым [14] и развито в исследованиях группы ученых под руководством Е. А. Земской в рамках Московской школы функциональной социолингвистики. Согласно разработанной ими теоретической концепции, разговорная речь, будучи некодифицированной разновидностью литературного языка, противопоставляется кодифицированному литературному языку [15]. Противопоставление данных разновидностей литературного языка основывается на трех экстралингвистических факторах – разговорная речь используется в ситуациях непринужденного, неподготовленного общения при непосредственном участии говорящих в акте коммуникации [16, с. 5].

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что в медийном дискурсе синтаксические разговорные средства представляют собой особые, выделенные единицы, поскольку находятся в окружении нейтрального, кодифицированного языка. В этой связи они являются более привлекательными для реципиента, следовательно, на них приходится значительная доля читательского внимания. Такая маркированность способствует тому, что разговорно-синтаксические средства выступают благоприятной средой для локализации различных манипулятивных приемов. Остановимся подробно на одном из самых популярных.

Американским ученым Н. Хомским было установлено, что эффективным способом манипуляции общественным сознанием является воздействие на эмоции в гораздо большей степени, чем на размышления [7]. Использование эмоционального фактора позволяет проникнуть в подсознание с целью внедрения туда устойчивых моделей поведения, мыслей, желаний и т.п. [Там же].

В результате проведенного анализа было установлено, что в медиажанрах на белорусском и английском языках встречаются разговорно-синтаксические средства, которые либо эмоционально насыщены по своей природе, либо выполняют эмоционально-экспрессивную функцию в том или ином контексте. При этом доля таких единиц в рассмотренных очерках и репортажах достаточно велика: 20,3 % от общего числа выявленных разговорно-синтаксических единиц в белорусскоязычном медиадискурсе и 25,4 % – в англоязычном. Так, вставные конструкции нередко содержат эмоционально оформленное сообщение; незавершенные предложения призваны вызывать у читателя определенные чувства в отношении происходящего; повторы отдельных слов выступают своеобразным средством эмфатизации, способствующим усилению общей эмоциональной выразительности медиадискурса; сопровождающие речь и выражающие эмоции эксплетивы, «аффективное содержание которых преобладает над их предметно-логическим значением» [17, с. 163], также служат для эмоционального оформления аргумента. Однако наиболее употребительными в медиадискурсе на двух языках являются эллипсисы, присоединительные конструкции и вопросительные предложения, манипулятивный потенциал которых будет подробно рассмотрен далее.

Среди эллиптических предложений, встретившихся в медиадискурсе на двух языках, выявлены эллипсисы, *апеллирующие к эмоциям адресата* [18]. Например, в очерке о деревенской семье, которая выиграла конкурс на самый образцовый дом, встречаются следующие строки: *Гэта ўсё для нас саміх: каб было прыемна пасля працоўнага дня прыйсці дадому, адпачыць і заняцца дзецьмі. Калі мы сюды прыйшлі, тут быў толькі дом з голымі сценамі і маленькі хлеў. Усё зроблена сваімі рукамі. Ремонт бацька робіць самастойна, а ў гаспадыні хапае часу за працай, домам і дзецьмі займацца кветкамі. <...> Ці можна было б усяго гэтага без жонкі дасягнуць? – неяк здзіўлена перапытвае Міхаіл. – **Без Наташы было б немагчыма!** Ды і мне аднаму гэта не патрэбна! Удваіх жыць і працаваць весялей.* Очевидно, что здесь пропагандируются семейные ценности, личные человеческие качества, которые ставятся выше амбициозных профессиональных или личных целей. Используя эллипсис данного прагматического типа, автор на эмоциональном уровне внедряет в сознание читателя идею о том, что даже в наше активное время человек может быть счастлив вдалеке от города, ведя спокойную, размеренную жизнь, занимаясь ежедневным физическим трудом, преодолевая жизненные трудности, однако оставаясь достойным человеком и порядочным семьянином.

В англоязычном очерке британец Найджел Фарадж резко высказывается в адрес главы англиканской церкви и подытоживает свою речь эллиптическим предложением, апеллирующим к эмоциям адресата: *I know the Anglican church*

*isn't much good, but <...> with that idiot having run the show for the last 10 years that's hardly surprising. **Couldn't even clip his beard for the royal wedding!*** ‘Я знаю, что англиканская церковь не очень хороша, но с этим идиотом, который управляет в течение последних 10 лет, это совсем не удивительно. Даже не мог отрезать свою бороду ради королевской свадьбы!’ (здесь и далее перевод наш. – Т. Г.). Примечательно, что господин Фарадж использует эллипсис данного типа в заключение своей речи, как бы ставя точку в размышлениях. Такая эмоциональная категоричность, как правило, блокирует рациональный анализ и критическое восприятие со стороны адресата [7].

Среди прагматических функций, выполняемых присоединительными конструкциями в медиадискурсе на белорусском и английском языках, особое место занимает *эмоционально-экспрессивная* [18], поскольку обладает значительным потенциалом воздействия на читателя. Во-первых, присоединяемые единицы являются намеренно выделенными отрезками сообщений, которые, в соответствии с замыслом автора, содержат все то, что необходимо специально выделить, подчеркнуть, а во-вторых, эмоционально-экспрессивная форма подачи данных отрезков сообщений воздействует на человеческое подсознание, позволяя внедрять в него любые идеи. Рассмотрим следующий пример: *Пазней, калі я пабачыў здымкі будаўніцтва, – я ўспомніў храм у Сар'і на Верхнядзвіншчыне. Той самы касцёл, які пасля паўстання Каліноўскага перадалі праваслаўным з фармулёўкай «з прычыны асаблівай прыгажосці». **Адна частка Саграда Фамілія нагадвае яго вельмі моцна. А Сар'я, дарэчы, збудаваная на сорок гадоў раней!..*** Здесь заметно желание автора пробудить патриотические чувства читателей к своей родине, внедрить идею о значимости белорусского народа и культуры в мировом контексте.

В очерке на английском языке встретился следующий пример присоединительной конструкции в эмоционально-экспрессивной функции: *Our eldest boy has a terminal condition: Duchenne muscular dystrophy. He's already four years past the age at which we expected him to no longer be with us, so we have quite a few medical issues with his respiratory health... But he's incredibly happy. He has a mild learning difficulty, but he's lovely. Really lovely. **He has a mild learning difficulty, but he's lovely. Really lovely*** ‘У нашего старшего мальчика смертельный диагноз: мышечная дистрофия Дюшенна. Он уже прожил на четыре года больше, чем мы ожидали, поэтому у нас немало медицинских проблем с его респираторным здоровьем. <...> Но он невероятно счастлив. У него небольшие трудности с учебой, но он милый. Очень милый’. В данном примере посредством положительной эмоциональной оценки смертельно больного ребенка автор пытается пробудить у читателей не только чувство сострадания, но и внедрить мысль о равноправии всех людей, отмечая, что тяжелобольные люди, несмотря на свой недуг, сильные, милые, счастливые, оптимистичные.

Среди вопросительных предложений, выполняющих разные прагматические функции, можно выделить вопросы, выражающие *эмоциональную реакцию* говорящего [18]. Например: *Я слухаю яе і разумею, што фітнэс і прабежкі на вечарах, безумоўна, твораць цуды, але ж **якая павінна быць сіла волі?*** В данном случае манипуляция направлена на формирование устойчивой модели поведения современной женщины – сильной, активной, независимой личности.

В англоязычном медийном дискурсе показательным является пример, в котором автор пытается выяснить причины, почему в течение трех лет никто не заметил отсутствия 38-летней девушки, которая умерла в своей лондонской квартире: *The first response to my adverts was from Karen, but it turned out she never knew Joyce. "I was a neighbour. I lived on her doorstep. I got my old diaries out. Had I seen her? Had I written about her? **All the neighbours – where were we? Why didn't we talk to her?**"* «Первым, кто откликнулся на мои объявления, была Карен, но оказалось, что она никогда не знала Джойс: «Я была ее соседкой. Я жила с ней в одном подъезде. Я достала свои старые дневники. Видела ли я ее? Писала ли я о ней? Все соседи – где мы были? Почему мы с ней не общались?» Рассматриваемые вопросительные предложения, хотя и производят впечатление вопросов, приглашающих читателей к размышлению, на самом деле являются упреком, что оказывает сильное эмоциональное влияние на адресата, заставляя его испытывать чувство вины по отношению к окружающим его людям.

Анализируя средства разговорного синтаксиса, выполняющие эмоционально-экспрессивные функции, было замечено, что большинство из них встречаются в рамках прямой речи, что свидетельствует о другом приеме манипулирования – ссылке на авторитетное мнение в каждом конкретном случае. Информация, полученная от первоисточника, как правило, вызывает доверие адресата, и у человека, как объекта манипулятивного воздействия, формируется соответствующее отношение к сообщению.

Таким образом, средства разговорного синтаксиса в медиадискурсе как на белорусском, так и на английском языках могут участвовать в манипулировании социумом путем воздействия на эмоциональную сферу общественного сознания. Основное различие заключается в том, что в англоязычных медиажанрах наиболее употребительные разговорно-синтаксические единицы, выполняющие эмоционально-экспрессивную функцию, шире представлены в прямой речи участников коммуникации, что может свидетельствовать о большем манипулятивном воздействии в британском медийном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков, И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Жуков ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2002. – 16 с.
2. Marcuse, H. One-Dimensional Man : Studies in Ideology of Advanced Industrial Society / H. Marcuse. – Beacon Press, 1964. – 257 p.
3. Horkheimer, M. Eclipse of Reason / M. Horkheimer. – Oxford Univ. Press, 1947. – 191 p.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А. М. Прохорова. – М., 2002. – Режим доступа : <http://alcala.ru/entsiklopedicheskij-slovar/slovar-M/44993.shtml>. – Дата доступа : 18.11.2017.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/manipulation?q=manipulation>. – Date of access : 18.11.2017.
6. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/manipulation>. – Date of access : 18.11.2017.
7. Chomsky, N. Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies / N. Chomsky. – Boston, MA : South End Press, 1989. – 424 p.
8. Adams, W. R. Reading beyond words / W. R. Adams, J. Brody. – Harcourt Brace College Publ., 1995. – 404 p.
9. Сорокин, А. А. Трансформация массового сознания в политическом процессе: сущность, специфика, проблема манипуляции : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. А. Сорокин ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2016. – 23 с.
10. Попова, Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Попова ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.
11. Колтышева, Е. Ю. Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте (на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / Е. Ю. Колтышева ; Ярослав. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2008. – 23 с.
12. Зірка, В. В. Мовна парадигма маніпулятивної гри в рекламі : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / В. В. Зірка ; НАН України, Ін-т мовознавства. – Київ, 2005. – 32 с.
13. Борисова, Е. Г. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде / Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова, В. Э. Левит // Имплицитность в языке и речи. – М., 1999. – С. 145–151.

14. *Панов, М. В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку : в 2 т. / М. В. Панов ; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М. : Языки слав. культуры, 2004–2007. – Т. 1. – 2004. – 562 с.
15. Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1973. – 485 с.
16. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
17. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
18. *Гребень, Т. Н.* Средства разговорного синтаксиса в медийном дискурсе (на материале белорусского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. Н. Гребень ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2016. – 26 с.

The paper considers colloquial syntactic means in media discourse and their role in emotional manipulation. The number of such colloquial items and their peculiarities in Belarusian and English media discourse are revealed.

Н. В. Зиневич

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНЫХ ОБОБЩЕНИЙ КАК ФАКТОР ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматривается обобщенность как одна из универсальных стилеобразующих черт научной речи и систематизируются основные подходы к определению обобщения и средств его формального выражения в языке науки. Анализ показал, что под научными обобщениями могут пониматься принципиально разные сущности, варьирующиеся от автономных отвлеченно-обобщенных предложений до обобщающих высказываний как составных единиц текста. Для устранения имеющейся многозначности в терминологии предлагается учитывать такие универсальные характеристики высказываний, как их семантическая структура, особенности функционирования и прагматический потенциал.

Научному функциональному стилю традиционно приписываются такие универсальные черты, как логичность, последовательность, ясность, обобщенность и т.п. Обязательное присутствие и предопределяющий характер данных черт в языке науки позволил исследователям отнести их к основным стилеобразующим факторам научной речи. Целью данной статьи является анализ научного стиля с точки зрения **обобщенности** как одной из его